

Бам-бам-бам! — кто-то громко постучал по двери.

— Что... Что такое? — меня, спящего без задних ног, подбросило. На часах было пять утра.

— Что?

Бам-бам-бам!

— Ю-ю-си-и-ку-ун!

— Акинэ-тян?!

Обычно в это время она еще в больнице Цукиноки. Открыв дверь, я действительно обнаружил за ней Акинэ-тян. Несмотря на такую рань, она вся лучилась энергией.

— Доброе утро! Ой, ты что, так в одежде и спал?

— Что... Зачем?..

Акинэ-тян звонко хлопнула в ладони.

— Время утренней практики.

— Чего?

Полшестого утра. На улице еще темным-темно. И холодно! В промозглом воздухе неторопливо порхают несколько светло-голубых существ. В их голубоватом свете холод кажется еще сильнее.

А я стою в палисаднике в одних трусах. Передо мной таз с водой и держащая наготове шланг Акинэ-тян.

— Так, Юси-кун. Вставай в таз.

— Угу...

Ледяная вода доходит до лодыжек. В одну секунду я весь покрылся «гусиной» кожей.

— Уо-о-о-о-о!!!

— Все хорошо, все хорошо. Ты быстро привыкнешь!

Улыбающаяся Акинэ-тян показалась мне настоящим дьяволом. Эта очаровательная садистка принялась поливать водой из шланга мои колени и бедра. Вместе с этим по моему телу одна за другой проносились волны мурашек.

— Ну, думаю, пора!♪ — легкомысленно заявила Акинэ-тян и, не колеблясь ни секунды, направила струю прямо мне на голову.

— Уа-а-а-а-а-а!!!

Во все стороны полетели брызги от вставших дыбом волос на всем теле.

— Читай сутру, Юси-кун!

Стуча зубами, я прочел приготовленную Акинэ-тян сутру (заранее заламинированную):

— Ро-ро-ро-рокэй-рокэй-рокэй такэй-такэй-такэй... Ч-ч-что это такое?

— Сутра роста духовной силы. Я понимаю, тебе холодно, но сосредоточься на сутре!

Когда тебе на голову льют ледяную воду и заставляют твердить какую-то тарабарщину, попробуй тут сосредоточиться.

Из чистого упрямства я заорал:

— Рокэй-рокэй-рокэй такэй-такэй-такэй...

Так холодно, что даже больно! Переступая с ноги на ногу, я во весь голос распевал сутру. С губ срывался густой белый пар.

«Черт! И почему я должен этим заниматься?!» — возмущался я про себя, но почему-то не мог оторвать взгляда от загадочных слов. Рот точно сам собой все повторял и повторял одни и те же звуки.

— Рокэй-рокэй-рокэй...

Нет, я правда очень хотел вернуться в особняк. Но я вовсе, вот ни капельки, не собирался

становиться магом! Для меня это было, что называется, как гром среди ясного неба! Я не по своей воле сделался мастером магической книги. Может, снимая комнату в Особняке нежити, думать так несколько странно, но я хотел спокойной, нормальной жизни!

— Юси-кун, достаточно!

— А? Что?

Я вдруг обнаружил, что вокруг уже совсем светло.

— Но... Как?..

Я принялся озираться. На голубом небе сияло утреннее солнце, заливая светом палисадник. Светло-голубые существа исчезли, над раскрывшимися бутонами порхали бабочки и жужжали пчелы.

— А теперь беги греться в ванну и будем завтракать!

Акинэ-тян обернула меня полотенцем.

— Что, уже все?

— Двух часов вполне хватит.

— Двух часов? Прошло два часа?

— Да. Сейчас половина восьмого.

— Ты не шутишь?! Я хоть сутру читал?

— Еще как. Все время, — улыбнулась Акинэ-тян.

Я ошарашено на нее уставился. Целых два часа! Неудивительно, что наступило утро. Но я не мог в это поверить. По моим личным ощущениям и пяти минут не прошло.

— Как все это понимать? — погрузившись по самую шею в бассейн с термальной водой, в растерянности склонил я набок голову.

Я помню, как начал читать сутру, а в следующий миг оказалось, что двух часов жизни как не бывало. Прямо путешествие во времени какое-то.

Стоило мне выйти из ванной, и в желудке забурлило от голода. Буквально громовыми раскатами. Втянув носом доносившиеся из столовой ароматы, я едва не потерял сознание.

— Йоу! Как учение, новоиспеченный господин маг?

— Водная практика, хотя по утрам еще так холодно — чувствуется серьезный подход.

Художник и Поэт довольно захохотали. Да пожалуйста, смейтесь на здоровье, я что, против?

— Скорее я умру с голодухи, чем стану магом, — я без сил плюхнулся на стул.

И тут же передо мной поставили завтрак.

— Учение желудок гложет. Держи, особое меню!

Акинэ-тян попросила Рурико-сан приготовить завтрак специально для меня.

— Обернутая в говяжье филе и жаренная в кислом соусе спаржа и большая порция салата из свежесорванных помидоров и огурцов! Рис, перемешанный с говяжьим фаршем и онсэн-тамаго!

Что за восхитительный аромат жареного мяса! А эти ломтики помидоров и огурцов, такие яркие, такие сочные!

— Говядина с утра пораньше?! Да еще в таких количествах? Ему разве можно мясо? Я думал, монахи все сплошь вегетарианцы, — удивились Художник и Поэт.

Акинэ-тян улыбнулась.

— Он же не на религиозного монаха учится. Для Юси-куна важна сейчас хорошо сбалансированная и калорийная еда. Основа всех основ — силы организма. А он еще растет.

— Ка-а-ак-же-е-е-вку-у-усно!

Умяв целую тарелку риса с фаршем, я следом смел еще три такие же порции риса с горкой.

Немного шинкованных овощей и соевого соуса сверху на исходящий паром рис достаточно, чтобы не оставить на тарелке ни крупинки. Тем более под мисо-суп с моллюсками! И маринованную капустку!

— Теперь я понял, почему ты так много ешь, — между пережевываниями пищи сказал я Акинэ-тян, глядя на то, как она расправляется с не менее огромной порцией завтрака.

— А то!♪

Поэт и Художник с улыбками за нами наблюдали.

— Эх, молодость... Скажи же?

— По мне, так скорее напоминает соревнование едоков.

Утолив, наконец, волчий голод, я за кофе разговорился с соседями по столу.

— Я когда начал читать сутру, потерял счет времени. Мне показалось, прошло всего минут пять, а на деле целых два часа.

— Ты был в трансе.

— В трансе?

— В состоянии глубокой медитации. Когда сознание сильно сфокусировано.

Разумеется, до этого дня я ни разу не впадал в медитацию. Неужели это так просто?

— Зависит от обстоятельств, — пояснила Акинэ-тян. — Та сутра, что ты читал, направлена как раз на достижение такого состояния. И потом, у тебя, похоже, к этому талант. Если тебе показалось, что прошло всего пять минут, у тебя удивительная способность концентрироваться.

— Вот как?

Это можно считать за похвалу? Стоит ли мне радоваться? Даже не знаю.

— Слышал, может быть, что во время глубокой медитации в мозгу начинают формироваться

альфа-волны? — подхватил беседу Поэт. — Есть такой индийский старинный музыкальный инструмент, называется ситар. Так вот, говорят, под звуки ситара в мозгу активизируются альфа-волны, и один человек, решив поиграть на ситаре, успел дернуть лишь одну струну... а в следующий миг обнаружил, что прошло четыре часа.

— Ого!..

— Тут то же самое. Играя на ситаре, он впал в транс.

— Потеря чувства времени не такая уж редкость. К примеру, когда концентрируешься на работе.

Действительно. Бывало, я замечал за собой, что время словно куда-то девается. Когда читаешь интересную книгу или уходишь с головой в уроки. Получается, это тоже своего рода транс.

— В такие моменты подключаются те зоны мозга, что отвечают за работу подсознания. Они же ответственны за экстрасенсорные и духовные способности.

Я ощутил искреннее восхищение. Все эти медиумы и колдуны, знакомые мне по телевизору, всегда напускали такого тумана, что не вызывали у меня ни малейшего доверия, но, как я убедился сейчас, настоящие экстрасенсы твердо стоят ногами на земле. Да, экстрасенсорные и духовные способности официально не признаются и их наличие нельзя доказать, но вот что удивительно, слушая Акинэ-тян и Рю-сана, я невольно начинал воспринимать их как нечто вполне научное.

— Так или иначе, как бы далеко ни зашел научный прогресс, остается очень много того, что нельзя объяснить. К примеру, то же строение атома. Мы думаем, что знаем, из чего оно состоит, но доказать это не можем. Чем тогда привидения или экстрасенсорные способности хуже?

— Когда-то давно наука и магия были одним и тем же. А сейчас мы постепенно к этому возвращаемся.

Слова Акинэ-тян и Поэта заставили меня глубоко задуматься. Каких бы высот ни достигала наука, ответы, вполне возможно, лежат в самом низу.

— Ну что ж, — встала из-за стола Акинэ-тян. — Отдыхай, Юси-кун, до следующей практики.

— В смысле, это еще не все?

— Не все, — ответила эта дьяволица таким тоном, будто это было само собой разумеющееся, и мило улыбнулась.

— Ну, успехов тебе, салага.

— Подмести, что ли, прихожую.

Я остался в одиночестве на диване в гостиной, но тут ко мне под бок деловито залез Буся. Пристально посмотрев на меня снизу вверх, он несколько раз похлопал меня своей крошечной ладошкой по коленке.

— Буся! — Я сжал его в объятьях. — Только ты один меня поддерживаешь!

Это стало моим последним воспоминанием. Судя по всему, стоило мне это договорить, и я заснул глубоким, похожим на обморок, сном.

Когда Акинэ-тян меня разбудила, я обнаружил себя в обнимку с Бусей и Белой.

— Ты прямо как папа, заснувший вместе с детьми... — хихикая, сказала она. — Или, скорее, ребенок, тискающий во сне мягкие игрушки.

Старше меня всего на год, а смотрите-ка, какая язва.

— Ну что, пора обедать!

Акинэ-тян поставила на стол тарелку. На ней лежал одинокий аппетитно подрумяненный тост.

— Эм-м... И это все?

— Да, еще овощной сок.

— И все?..

— Сейчас много есть не стоит. Потом.

— Ладно...

Я сжевал предложенный тост. Сам по себе он был очень вкусный, приятно хрустел на зубах и был густо намазан медом и маслом. Для одного тоста просто роскошно.

После обеда Акинэ-тян отвела меня в незанятную комнату в дальней части особняка.

Помещение площадью в шесть татами было совершенно темным и пустым, не считая одной-единственной свечи в центре пола. Акинэ-тян зажгла ее спичкой.

— Сядь перед ней в позу сэйдза, Юси-кун. Так, а теперь читай это.

Название этого похожего на сутру текста было мне знакомо.

— Сутра сердца совершенной мудрости?!

— В переводе.

— В переводе! Ух ты... Значит, так... Бодхисаттва... Авалокитешвара во время осуществления глубокой праджня-памяти ясно увидел, что все пять скандх пусты...

— Шарипутра! Материя не отлична от пустоты. Пустота не отлична от материи. Материя — это и есть пустота. Пустота — это и есть материя. Группы чувств, представлений, формирующих факторов и сознания так же точно таковы...

Я послушно повторял за Акинэ-тян слова сутры. Хорошо, что перед глазами распечатка с текстом, но все равно, саму сутру я видел впервые, и читать без запинки было сложно. Настоящая разминка для языка. Хотя о чем она я примерно знал. А с текстом смысл стал еще понятнее, так что читать было даже интересно.

Сидя посреди темной комнаты перед одинокой свечой я вслед за Акинэ-тян раз за разом перечитывал «Сутру сердца».

По мере повторения, ее строчки будто начали резонировать у меня в голове. Эхо все усиливалось, и мне стало казаться, что в ушах звучит уже целых хор.

«О... О... О-о?!»

Мое тело продолжало читать сутру, но сознание точно отделилось от него и закружило в ритмичных волнах ее строк, множественным эхом гремящих у меня в голове.

Слова словно превратились в ломаную пульсирующую линию, и мое сознание, скользя по ее пикам, то покидало тело, то вновь в него возвращалось.

Точно опавший лист, я болтался на волнах сутры. Причем покачивание ощущалось вполне реально, это было приятное чувство, но в то же время меня начало мутить.

«Вот почему на обед был один тост. На полный желудок меня и стошнить могло».

Я, ясное дело, совершенно не понимал, что со мной происходит, но, судя по всему, все шло по определенным правилам. Правилам, известным и соблюдаемым Акинэ-тян. Такому новичку, как я, мысль, что все идет, как положено, внушала уверенность и успокаивала.

— Все. Думаю, достаточно, — объявила Акинэ-тян, и я пришел в себя.

Открылась дверь, впуская в комнату свежий воздух.

В следующий миг все тело налилось невероятной тяжестью. Я резко вспотел, голова закружилась.

— Ого!

Попробовал встать, но вместо этого бухнулся на пол.

— Ноги!.. Затекли... А! Ай-яй, больно как! Ай! Черт! Ай!

Акинэ-тян, посмеиваясь, принялась массировать мои ноги. Чувствуя, как отпускает затекшие мышцы, я от счастья едва сознание не потерял.

— Ты молодец, Юси-кун. Для первого раза просто отлично.

— В смысле?

— Уже пять часов вечера.

— Серьезно?!

На этот раз из жизни выпали почти пять часов. И нынешняя усталость не шла ни в какое сравнение с утренней. Тело казалось неподъемным, как свинцовый брус, я даже встать не мог. С меня градом катил пот, в ушах гудело, как при анемии, желудок скрутил такой сильный голод, что меня затошнило.

— Попей для начала водички. Не торопись.

Я осушил большой стакан воды.

— Пха! Какая вкуснота! Это про такие моменты говорят, словно вернулся к жизни!

— Скажи же, прямо настоящая живая вода.

Стоило мне попить воды, и тело тут же расслабилось. Но надежды встать самостоятельно не было. И тут в комнату заглянул Букинист.

— Йоу! Смотрю, трудитесь в поте лица.

— Вы как раз вовремя, Букинист. Помогите Юси-куну принять ванну.

Я изумленно вытаращился на Акинэ-тян. «Помогите принять ванну»?!

— Не нужно! Я сам справлюсь.

— Нельзя. Ты даже встать не можешь, не перенапрягайся.

— Н-но...

— Если ты против моей компании, хочешь, позову Марики-тян? Она же не человек, стесняться будет нечего, — лукаво улыбаясь, предложил Букинист.

Черт! Получается, у меня и выбора никакого нет!

По коридору Особняка нежити разнесся мой душераздирающий вопль.

— Только не на руках, умоляю!

— Не дергайся, не дергайся.♪

— Помойся хорошенько. Об ужине я позабочусь. Ах да, я попрошу Иссики-сана принести тебе, во что переодеться!

Может, это тоже часть учения? Букинист на руках отнес меня в ванную, раздел и тщательно меня всего вымыл. Подобное отношение старшего товарища-соседа по Особняку нежити я, разумеется, за унижение не посчитал, но моя мужская гордость была слегка уязвлена.

Но в бассейне, когда согретая горячей водой кровь весело побежала по жилам, мое настроение улучшилось. Ванную я покинул уже на своих двоих. Все-таки термальные источники — это нечто.

В столовой несносные взрослые уже всюду развлекались. Поэту и Художнику в компании Ямада-сана и Мариико-сан лишь дай повод, чтобы вскрыть банки с пивом.

— Новоиспеченному магу — кампай!

— Кампай!

— В честь магической книги, с которой впервые за многие столетия сняли печать!

— Кампай!

Нечего сказать, пируют на чужих несчастьях. Но для жалоб я был слишком голоден.

— О-о, а чье это филе? Фугу? — подскочил к столу Букинист.

— Угорь. Он жирнее, поэтому вкуснее.

— Ух ты!

Поверх разложенных в форме цветка сашими из угря лежали вперемешку креветки-сакура, бобы, кусочки гомадофу и вареный сансай. Не блюдо, а красочная картина. Впервые в жизни попробовал сашими из угря.

— А жир совсем не чувствуется!

— Как вкусно! Все-таки сашими — потрясающая штука!

— Не налегай так, Юси-кун, а то продолжение не влезет, — Акинэ-тян, смеясь, поставила передо мной следующие блюда. — Суперпитательный свиной донбури с зеленым луком и минирамэн сколько захочешь!

— Ого, слюнки так и текут!

Донбури — большая тарелка риса, прикрытого кусочками вареной свиной вырезки и прямоугольниками жареного нори и посыпанного зеленым луком и кунжутом. К рамэну на легком курином бульоне можно было по желанию добавлять жареное во фритюре куриное филе с нашинкованным соломкой молодым луком или куриную поджарку с овощами в густом соусе.

Восхитительное сочетание свинины и нори, усиленное кунжутным ароматом, долго еще не отпускавшим нос. Даже двух порций рамэна с разными добавками оказалось мало. Еще!

Легкий бульон и много лапши — рецепт на миллион. Я прямо чувствовал, как телу возвращаются силы.

— Рамэн! Душа истинного японца! — рыдая от счастья, поглощал рамэн Букинист. Понятное дело, он не ел его полтора года, но, уверен, любой, отведавший эту вкусноту, не сдержал бы слез восхищения. У меня самого едва горло не перехватывало.

— Акинэ-тян молодец, все предусмотрела, — держа в одной руке банку с пивом, подмигнула Марико-сан. Хоть сейчас снимай и размещай на билбордах.

— Юси-кун начинающий, плюс он еще очень молод, для него физические силы сейчас важнее психологических. Сильный организм поддержит психику, а там и силы продолжать найдутся.

— Как говорится, в здоровом теле — здоровый дух. Всем этим мошенникам из новомодных учений стоило бы этому поучиться.

Взрослые засмеялись.

— Тем более, Юси-кун ведь не планирует всерьез заниматься магией. Меня, к примеру, идея полного отречения собственной личности тяжелыми практиками тоже совершенно не привлекает. Юси-куну нужно всего лишь достичь, так сказать, базовой физической подготовки.

— Базовой физической подготовки?!

— Чтобы тебе хватало сил хотя бы на призыв и применение способностей твоих цукайм.

— В этом смысле «базовая физическая подготовка»...

— Все, что выше этого, — это уже совсем другой уровень.

Организм мой отличался простотой — усвоив превкуснейшую стряпню Рурико-сан, он тут же ожил. Десерт — нежнейшие, таящие во рту трехцветные ханами данго — ознаменовал окончание дня. Следующим, что потребовал восстановивший силы организм, был сон.

— Действительно, в таком состоянии о подработке и думать не стоит, — сонно пробормотал я, едва переставляя ноги по пути к себе в комнату.

— Ты быстро привыкнешь, — пообещала Акинэ-тян, — и на подработку вернешься. Потерпи немного.

— Хорошо.

Улыбнувшись, я махнул ей рукой. Она махнула в ответ.

— Ну, я побежала!

Точно. У нее же еще впереди целая ночная смена в больнице для нежити. А ведь она с пяти утра помогала мне в практиках!

— С ума сойти!

Теперь я на собственном опыте знал, каким невероятным человеком была эта старшеклассница.

Про прошествии недели мой организм, как и было обещано, привык. Даже после пяти часов чтения «Сутры сердца» я уже мог самостоятельно принимать ванну.

Всю эту неделю каждый мой день можно было описать кратким практика-еда-сон-практика-еда-сон (да и на так называемых практиках я только и делал, что талдычил без остановки сутры). Больше я ничего не делал. По крайней мере, не помню, чтобы делал. «Пти Иерозоикон», ради которого, собственно, все это и затевалось, лежал себе тихо на столе, так ни разу и не открытый. Энергии на что-то еще у меня просто не было. И так едва хватало на удовлетворение элементарных потребностей. Ванну там принять или в туалет сходить.

Но постепенно сил начало прибавляться. Так во время чтения «Сутры сердца» голова больше не кружилась, и я начал лучше концентрироваться на самой сутре.

— Сразу видно, молодой организм, ко всему быстро привыкает! — выдала за ужином семнадцатилетняя Акинэ-тян фразу, подходящую скорее для старушки. Акинэ-тян даже слегка изменила расписание своих рабочих смен, чтобы присматривать за мной во время практик.

— Я ведь уже могу один до ванной добраться, и с сутрой освоился, тебе совсем необязательно постоянно быть со мной, Акинэ-тян.

Но она замотала головой.

— Во время транса сознание беззащитно. Такое состояние — настоящее раздолье для духов и призраков. Особенно во время духовных практик, без специалиста никак нельзя.

Я невольно оставил палочки.

— Хочешь сказать, в таком состоянии человеком легко овладеть?

Акинэ-тян решительно кивнула.

— И сознание тоже само по себе уязвимо. Во время транса ведь снимаются все ограничители, если не уследить, с начинающим может произойти что-нибудь нехорошее.

— Нехорошее... это какое?

— Ну... При выходе из транса человека может охватить паника, приступ страха, а это может привести к сумасшествию, перевозбуждение выльется в сердечный приступ.

— Прямо как при наркотической ломке.

— То же самое. Просто для высвобождения сознания используют препараты. Но сознание важно освобождать аккуратно, тщательно контролируя процесс, иначе случится беда. С препаратами это легко, зато отдача тяжелая.

— Даже так?!

— Настоящее «высвобождение сознания» — штука страшная. У тебя ведь тоже наверняка постоянно на слуху объявления всяких семинаров по раскрытию личности, занятий йогой, духовных практик и других обществ так называемого «духовного роста». Проблема в том, что в отсутствии настоящих специалистов они запросто обещают «раскрыть ваше сознание» и ведь действительно раскрывают! В прямом смысле слова сводя с ума толпы людей!

— Жуть!

— А-а-а-ах... Чую аромат карри!

В столовую, шатаясь, зашел Букинист. Сегодня больше никого из взрослых, что могли бы составить ему компанию в распитии очередной бутылки, нет, и Рурико-сан приготовила ужин, ориентируясь на более молодое поколение обитателей особняка.

Рис с тушенными в пасте карри кусочками говядины, посыпанный сверху расплавившимся сыром, морепродукты, что тоже можно было есть прямо ложкой, салат из крупно порезанных овощей, и все это приправлено мелко покрошенными умэбоси, вносящими освежающую кислую нотку. А на закуску — фукудзиндзукэ и маринованные головки китайского лука.

— Гха, язык проглотить можно! Первое карри за полтора года! Японский карри — самый вкусный карри!

Букинист влет умял свою порцию.

— Но, Букинист, вы же бывали в Индии? Слышал, индийское карри тоже вкусное.

— Не поспоришь. На родине карри к нему особенное отношение, столько приправ, столько разновидностей — голова идет кругом. Но я все равно люблю японское карри. Видимо, оно мне больше всего по вкусу.

Мы все трое кивнули и хором попросили:

— Рурико-сан, добавки!

Когда столовую наполнил насыщенный аромат кофе, я обратился к Акинэ-тян.

— Акинэ-сан, тут такое дело...

— Да?

— Можно завтра... сделать перерыв в практиках?

— А что, уходишь куда-то?

— Нет, просто... друг... сюда приедет.

Акинэ-тян переглянулась с Букинистом.

— Тот «Хасэ-кун», о котором ты рассказывал?

Я кивнул.

— Он уезжал с семьей... Но вроде бы сегодня возвращается. И вот... просил разрешения прийти завтра в гости...

В тот же день наших с Хасэ приключений. За ужином я рассказал другу об Особняке нежити. О своей жизни под одной крышей с потусторонними существами, привидениями и людьми. И какая это приятная жизнь.

Рассказал о том, сколь многому я там научился. Как тосковал после уезда из особняка. Как радовался, когда туда вернулся. И как мне в руки попал «Пти Иерозоикон».

Хасэ молча меня слушал. Но эмоций не скрывал. Когда я нахваливал кулинарные таланты Рурико-сан, на его лице читалось восхищение, когда рассказывал об Акинэ-тян и Рю-сане — удивление. Слушая историю Буси, он хмурился, и улыбался, пока я описывал остальных своих удивительных соседей.

— Мы завтра всей семьей отправляемся в путешествие. Я бы с удовольствием остался, но выбора нет, все-таки семейное предприятие. А вернувшись, я приеду к тебе в этот твой особняк, Инаба. Изволь меня со всеми познакомить. Неприлично же за столько времени ни разу там не побывать, официально не представиться.

Но даже после этих слов Хасэ я продолжаю сомневаться. От волнения сердце екает.

Что он подумает, оказавшись в особняке? Едва ли он так уж сильно удивится, учитывая, что он уже собственными глазами видел Фула и Гиппогрифа, но вдруг ему тут не понравится? Как мне тогда быть?..

— Хасэ-кун во сколько приедет?

— Что? А-а, ну... где-то днем, думаю.

— Ясно.

Акинэ-тян широко улыбнулась. И улыбка эта мне почему-то не понравилась.

— Значит, успеем с утренней практикой!♪ Тогда до завтра, в пять утра!

Я тут, можно сказать, как юная барышня, впервые пригласившая в родительский дом парня, места себе не нахожу, а ей хоть бы что. Чувствую, я никогда в жизни ни в чем у нее не выиграю, хоть наизнанку вывернись.

— Понял.

Что мне еще оставалось ответить?

— Бха-ха-ха-ха-ха-ха! — заржал сидящий рядом Букинист.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344797>